

**Психотерапия аполитична или она не является психотерапией:
человекоцентрированный подход как принципиально, сущностно
аполитичное предприятие**

или

**Человекоцентрированный подход: искушение политикой
(ответ Петеру Шмиду)**

А.Б. Орлов

«Политика – это болезнь...

Мы должны жить неполитическим стилем жизни»

Ошо

Введение: психотерапии и политика

Как бы мы ни рассматривали политику (в узком или широком смысле, в исторически первичном или самом современном смысле) мы всегда делаем центром своего внимания, во-первых, внешний мир и, во-вторых, межличностные (в конечном счете, социально-психологические, социальные) отношения, отношения между людьми как отдельными личностями.

Все психотерапевтические системы, так или иначе, затрагивают эти отношения. Следовательно, все психотерапевтические системы – это политические предприятия.

В этом (широком) смысле поведенческая психотерапия не в меньшей степени политична, чем клиентоцентрированная психотерапия.

Поэтому утверждать особую политическую природу человекоцентрированного подхода, отличающую его от других форм и направлений психотерапии, просто нелепо.

Если теперь мы поместим в центр своего внимания психотерапию, то со всей очевидностью обнаружим, что все психотерапевтические системы распределяются на две большие группы в зависимости от того, делают ли они своим предметом межличностные или внутриличностные отношения.

Психотерапевтические системы первого типа (от поведенческой психотерапии до семейной психотерапии) принципиально политичны, поскольку они полагают человека как политическое существо, всецело принадлежащее миру межличностных отношений, социуму. Цель психотерапевтических систем данного типа – адаптация человека к социуму, преодоление его социальной дисфункциональности.

Психотерапевтические системы второго типа (от психоанализа до клиентоцентрированной психотерапии) принципиально аполитичны, поскольку они рассматривают человека как аполитическое существо, наиболее существенные отношения которого принадлежат не миру

межличностных отношений (т.е. не миру политики), но миру внутриличностных отношений. Цель психотерапевтических систем данного типа – становление нового человека и, следовательно, становление новой социальности, нового социума, новой политики.

Как бы мы (вместе с К. Роджерсом) ни определяли цель клиентоцентрированной психотерапии или человекоцентрированного подхода (как путешествие к центру Я или появление человека завтрашнего дня или становление полноценно функционирующего человека) – эта цель однозначно и принципиально выводит человека за границу любых его межличностных отношений, за границу его привычных самоопределений как личности. Эта цель высвобождает его, выключает его из всех конвенций, в том числе и из сферы политики (как бы мы ее ни определяли). Осуществление этой цели есть одновременно выпадение человека из «мира сего» как мира политического, прекращение существования человека как «политического животного» (*zoon politikon*), как личности. Самореализация человека-личности как самоосуществление (т.е. обретение и воплощение своей собственной сущности) полагает предел личностному существованию.

Человек-личность vs. человек-сущность

Действительно, политика – это неизбежное следствие существования человека как личности. В этом смысле каждый человек как личность есть политик, политическая фигура. Но этот тезис справедлив не в отношении человека вообще, но лишь в отношении человека-личности, персонализирующегося человека, индивидуальности. Человек-сущность, персонифицирующийся, осуществляющийся человек, индивидуальность (Орлов, 1995, 2002-а, 2002-б; Орлов, Орлова, 2011) не существует в социуме, он существует в отношении к социуму. Иначе говоря, он не существует в мире политики (и поэтому он не политическое существо), но он имеет отношение к миру политики, и мир политики имеет отношение к нему. Так, Иисус (как человек-сущность) в отличие от Ирода (человека-личности) – не политическое существо. Восприятие Иисуса как политического существа, как «царя иудейского» - это заведомо искаженное, редуцированное восприятие его со стороны его гонителей и убийц.

Человек-сущность, не являясь политическим существом подобно любому человеку-личности, оказывается при этом социальным революционером, спокойным (не политическим!) революционером (Rogers, 1977), поскольку самим фактом своего существования он отрицает старую социальность и воплощает собой новую социальность. Будучи асоциальным и аполитичным, он утверждает другую, новую социальность и другую, новую политику. Старая социальность и старая политика – бесчеловечны, они целиком и полностью основаны на условном принятии, оценочном понимании и инконгруэнтности – таков *status quo*. Реализация человекоцентрированного подхода призвана изменить это положение вещей, привести к становлению иной, новой социальности и иной, новой политики, основанных на безусловном принятии, эмпатическом понимании и конгруэнтном самовыражении как воплощении и утверждении *человечности*.

Таким нам видится «политический императив», характерный для человекоцентрированного подхода. При этом мы не можем согласиться с определениями этого подхода как подхода социо-критического и социо-политического, как разновидности социотерапии, как программы

социетальной трансформации и социо-политического изменения (поскольку человекоцентрированный подход всегда имеет дело не социумом, но с человеком)¹.

Рассматривать психотерапию как политическую деятельность можно лишь в тех случаях, когда психотерапия имеет отчетливую социально-психологическую и социально-политическую направленность, когда она представляет собой ту или иную форму заботы о человеке-личности в мире межличностных отношений, в мире политики. Только в этих случаях можно говорить о тождестве психотерапевтической и политической деятельностей.

Клиентоцентрированная психотерапия vs. политика

Как уже отмечалось, сама природа клиентоцентрированной психотерапии и человекоцентрированного подхода (зафиксированная, кстати говоря, в самих этих терминах) иная, не политическая, центрированная не на интерперсональной, но на интраперсональной динамике. Именно поэтому, когда речь заходит о клиентоцентрированной психотерапии², необходимо обратить и само отношение между психотерапевтической и политической деятельностями: такая психотерапия не должна пониматься как политическая деятельность, не должна являться политической деятельностью, иначе она перестает быть собой, перестает быть клиентоцентрированной психотерапией. Более чем очевидно, что такая психотерапия не является формой социальной инженерии и уж тем более социального контроля. Она вне- и аполитична. Ее невозможно и не нужно привносить в социальный и политический дискурс. И не только потому, что она ему абсолютно чужда, но еще и потому, что политизация такой психотерапии опасна, прежде всего, для самой психотерапии, работающей против самих принципов всего современного политического устройства, против всего традиционного политического мира. Ее революционный характер не совместим с публичностью. Ее работа совершается в частных пространствах психотерапевтических кабинетов, воркшопов, резиденсов, более того, эта работа совершается в интимном внутреннем мире клиента. Публичное оглашение и обсуждение такой работы подвергает ее неизбежной опасности, девальвирует и дезавуирует ее, делает ее мишенью для всего чуждого и враждебного ей политического мира и его агентов.

Если согласиться с тезисом К. Роджерса о революционной природе человекоцентрированного подхода (а с этим тезисом не может не согласиться даже мой австрийский коллега), то идея публичного социетального дискурса (даже культурного) представляется вариантом предательства. Мы хорошо знаем (в том числе и на примере обстоятельств и фактов профессиональной биографии самого К. Роджерса – см., Роджерс, 2012; Kirschenbaum, 1995, 51-53), чем заканчивалось вовлечение в политику и в политические дискурсы революционных по своей природе и направленности индивидов и групп на протяжении всей человеческой истории. Мы хорошо знаем также, чем заканчивались эти публичные дискурсы. Они всегда заканчивались публичными политическими процессами по делам этих индивидов и групп, они заканчивались публичными преследованиями, гонениями,

1 С учетом сказанного предпринятое П. Шмидом рассмотрение редукционистских моделей политики (от Н. Макиавелли и Т. Гоббса до М. Вебера) и ее трех аспектов (policy, politics, polity) представляется несущественным и избыточным.

² И не только к ней, поскольку существуют психоанализ, юнгианский анализ, транзактный анализ, экзистенциальная психотерапия, психосинтез, онтотерапия и т.п.

расправами и казнями. Скажем прямо: нам не нужны политические процессы по делу психотерапевтов.

Нас успокаивают и говорят о каком-то «культурном» публичном политическом дискурсе. Но история учит: между принципиальными оппонентами в политическом пространстве такой дискурс невозможен.

Бесспорно, теория и практика человекоцентрированного подхода являются одновременно революционными (по отношению к миру политики) и аполитичными (по своим средствам). Политизация психотерапии, привнесение политики в психотерапию и психотерапии в политику опасны, поскольку разрушают психотерапию как извне, так и изнутри, инфицируют ее элементами политического, априори атерапевтического мира.

Преодоление психологического отчуждения человека от своей собственной природы, фасилитация автономии и аутентичности, интеграция и принятие элементов собственного эмоционального опыта, рост открытости миру, конгруэнтности самому себе и т.п. – все это не политические, но психотерапевтические задачи, т.е. задачи, которые могут решаться не политическими, но исключительно психотерапевтическими средствами.

Эссенциализм vs. экзистенциализм

Почему приходится писать о таких самоочевидных вещах в статье-рецензии на публикацию одного из авторитетнейших авторов, представляющего Всемирную ассоциацию человекоцентрированной и экспириентальной психотерапии и консультирования? Ответ на этот вопрос становится понятным, если мы посмотрим, как наш австрийский коллега понимает сущность человечности: эта сущность понимается им как диалог, как первичная, исходная социальность человеческого существа. Адекватно ли такое понимание представлениям К. Роджерса? Ответ отрицательный. Согласно К. Роджерсу сущность, психологическое ядро человека, его внутреннее Я не является социальным и не является производным от каких либо социальных реальностей. Эта сущность является индивидуальной и организмической. Ее процессуальный аспект – тенденция к самоактуализации и самоосуществлению.

В чем же причина такого принципиального несовпадения, расхождения? Эта причина имеет глубокие методологические, даже философские основания. Дело в том, что в философском плане наш австрийский коллега может быть квалифицирован как экзистенциалист. Если более внимательно посмотреть на философские основания его представлений о клиентоцентрированной психотерапии и человекоцентрированном подходе, то можно обнаружить их отчетливые экзистенциально-теологические основания, их экзистенциально-феноменологическое происхождение (о чем свидетельствует как направленность всего дискурса П. Шмида, так и его референтный круг - от М. Бубера до Э. Левинаса). Преодоление любых форм психологического отчуждения, стимулирование автономии, фасилитация конгруэнтности, интеграция различных аспектов эмоционального опыта, развитие аутентичности человека рассматриваются не как психотерапевтические, но как политические задачи.

Сама клиентоцентрированная психотерапия трактуется с таких позиций как искусство Я-Ты отношений. Природа, сущность человеческого существа видится в межличностном диалоге как форме первичной социальности, а сам человек – как изначальный диалог. Более того, человекоцентрированный подход с точки зрения автора предстает в своей сути как вариант

социальной психологии, психотерапия - как практическая социальная этика, социальная группа выступает при этом как первичная психологическая реальность, а актуализирующая тенденция - как социальный конструкт и всего лишь как персонализирующая тенденция. Принципиально важен для автора не человекоцентрированный подход как таковой и ассоциированные с ним психотерапевты, а «человекоцентрированная и экспириентальная семья». И наконец, последний по порядку, но не по значению пункт позиции автора: источник эманаций жизни человека представляет собой не его Я (Self), но «первичное Мы». Вот основные реперные точки концепции П. Шмида (но не К. Роджерса!). Концепция автора человекоцентрированного подхода имеет иное, не экзистенциальное, но эссенциальное основание (Орлов, Лэнгле, Шумский, 2007; Орлов, 2010; Orlov, 2010).

Итак, наш австрийский коллега настаивает на политическом измерении человекоцентрированного подхода в то время как наша позиция оказывается прямо противоположной: человекоцентрированный подход, будучи революционным по отношению к существующему социальному и политическому миру, абсолютно аполитичен. И центральная гипотеза этого подхода (относительно огромных ресурсов самопонимания и конструктивного самоизменения, принадлежащих каждому индивиду и обнаруживающихся в особом психологическом климате фасилитирующих эти ресурсы психологических установок - конгруэнтности, безусловного позитивного принятия и эмпатии), и основание этого подхода (базовое доверие к человеку) (Роджерс, 2001-а) не имеют и не могут иметь равным счетом никакого отношения ко всему тому содержанию, которое стоит за словом «политика».

Вот почему мы полагаем, что предлагаемая П. Шмидом трактовка отношения между человекоцентрированным подходом и политикой является трактовкой, навязываемой человекоцентрированному подходу извне. Она не вытекает из его аутентичных оснований (Роджерс, 2001-б). И в этом обстоятельстве заключается главная причина нашего размежевания³.

Мы уже видели экзистенциалистов на социальных баррикадах и в авангарде политических протестов XX века. Мы видели также ничтожный финал этой истории. Теперь экзистенциалист призывает нас, человекоцентрированных психотерапевтов встать на этот порочный и явно бесперспективный путь политизации человекоцентрированной психотерапевтической деятельности.

Искушение политикой

Нас призывают объединить и возглавить обездоленные меньшинства; нам предлагают активно вмешиваться в деятельность социальных структур и институтов; нас подталкивают к

³ История жизни самого К. Роджерса изобилует подобными размежеваниями; приходится констатировать, что большинство его коллег и ближайших сотрудников не смогли в полной мере разделить с ним человекоцентрированный подход. Главную (но, конечно, не единственную) причину данного обстоятельства мы видим в несовпадении их философских воззрений с философией К.Роджерса. Замечательный и, одновременно, печальный пример такой «неслиянности» – сложные личные и профессиональные взаимоотношения К. Роджерса и Маурин О’Хара, продолжавшиеся более десяти лет. Примечательно, что свою главу в книге, посвященной К. Роджерсу, она назвала «Потоки» (“Streams”) (О’Нара, 1995). Название-метафора возникло под влиянием сильного впечатления, испытанного ей в Бразилии под Манаусом в месте «слияния вод» (“O Conjunto das Aguas”), где поток опалово-желтых вод верхнего течения Амазонки встречается с прозрачным потоком черно-коричневых вод Рио Негро. Основные вехи философского развития М. О’Хара - сциентизм, социальный конструктивизм, постмодернизм; даже в сфере психотерапии свою работу она обозначает как «клиентоцентрированная гештальт-терапия».

тому, чтобы стать активными участниками социетального дискурса; нас обязывают соблюдать этического долга, якобы заключающегося в том, чтобы действовать политически; нас провоцируют ввязаться в схватку между демократией и тоталитаризмом; нас агитируют становиться из тихих революционеров революционерами громкими, возвысить свой голос, более того - сделать свой (психотерапевтический) способ бытия политическим (?!); нам внушают, что:

- базовые личностные психотерапевтические установки (безусловное принятие, эмпатия и конгруэнтность) есть не более чем классические политические шаги (наблюдение, мнение, действие);
- нам необходимо политическое образование;
- нам необходимо культивировать критическое восприятие социальности не только в теории, но и на практике;
- нам необходима более активная политика в СМИ как составная часть нашей профессиональной деятельности;
- нам необходимо выйти из своих психотерапевтических кабинетов на публичную политическую арену, что требует кооперации с иными политическими силами и движениями и более того, - открытого критичного и бескомпромиссного дискурса со всеми теми, кто поддерживает status quo;
- нам необходимо отказаться от своих базовых индивидуалистских, организмических и эссенциалистских установок в пользу ценностей социального диалога и персонализации как личностного развития.

Нам предлагают любовь сделать политической силой. Нас призывают променять человечность на «чечевичную похлебку» политичности. Но мы знаем, кому на самом деле принадлежит этот голос⁴.

Все это можно выразить одним коротким предложением: нас искушают политикой. Скажем же «нет» этому искушению и этому искусителю⁵. Останемся верными себе в качестве человекоцентрированных психотерапевтов и фасилитаторов. Сохраним свою профессиональную идентичность. Будем делать свою, психотерапевтическую работу в этом мире. Нам более чем достаточно внутреннего убеждения, замечательно выраженного самим К. Роджерсом: «Это работает!» (“It works!”).

Нас (как в свое время и К. Роджерса) не смущает игнорирование человекоцентрированного подхода со стороны властных структур (как в узком психолого-психотерапевтическом, так и в широком социальном мире). Нам не нужно их признание. Все, что нам нужно, - это наш способ бытия.

Нам предлагают стать политико-центрированными. Нам достаточно быть человекоцентрированными.

⁴ «И возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то все будет твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и ему одному служи» (Евангелие от Луки, 4, 5-8).

⁵ Мы знаем, чем чреват ответ «да»; мы знаем, какими Пирровыми победами заканчивались в XX веке прецеденты политизации различных (изначально довольно безобидных) философий, когда они, политизируясь, превращались в идеологии: каждый раз подобное превращение приводило к чудовищному росту непринятия, аэмпатичности и инконгруэнтности (античеловечности), к многочисленным конфликтам, репрессиям и войнам.

Мы считаем, что политикоцентрированный психотерапевт перестает быть человекоцентрированным психотерапевтом, более того, он перестает быть психотерапевтом вообще и в этом смысле он становится реальной угрозой не только для своих клиентов, но и для своих коллег. Именно такой «психотерапевт» не воспринимает всерьез ни своих клиентов, ни своих коллег, ни самого себя. И тем самым он ослабляет «крота психотерапии» и укрепляет существующее положение вещей. Именно эта позиция является безответственной позицией психотерапевта, который фактически предает себя, оставляет свою психотерапевтическую позицию, капитулирует как психотерапевт.

К. Роджерс (Rogers, 1961, p. 26) действительно сказал, что самое человеческое является самым универсальным. И это универсальное является самым терапевтичным и самым... неполитичным.

Позиция К. Роджерса

Завершать статью мне хотелось бы на менее высокой ноте, поэтому я позволю себе иллюстрацию. Давайте обратимся к одной из поздних публикаций К. Роджерса, которая по своему фактическому содержанию должна была стать одной из его самых политических публикаций (Rogers, 1986). В этой публикации К. Роджерс описывает семинар в австрийском городе Руст, в котором принимали участие несколько десятков высокопоставленных политических деятелей, преимущественно представлявших страны Латинской Америки. Тема семинара – «Вызов Центральной Америки». Семинар фасилитировала команда опытных психологов-психотерапевтов из Центра исследований человека (Ла Хойя, Калифорния, США) во главе с К. Роджерсом и Ч. Девонширом.

Вот, казалось бы, замечательная иллюстрация положений статьи нашего австрийского коллеги относительно политической природы человекоцентрированного подхода. Но что же мы видим на самом деле в тексте этой публикации? Как сам К. Роджерс описывает семинар?

В первых строках своей статьи К. Роджерс четко фиксирует свою авторскую позицию – это позиция не политика и не наблюдателя, но позиция психолога, интересующегося групповыми процессами и намеренного применить психотерапевтические принципы применительно к конфликтным ситуациям. Далее мы констатируем, что К. Роджерс в участниках семинара видит не высокопоставленных политиков, не политические фигуры, не их политические роли, даже не их личности, но людей, просто людей. Примечательно, что сам семинар организуется не как политическое, публичное, медийное событие. Он проводится как свободный от прессы, существующий за рамками протокола, неофициальный, конфиденциальный, приватный (т.е. психотерапевтический) воркшоп. Перечисляя основные цели семинара, К. Роджерс делает отчетливый акцент не на его политических, а на психотерапевтических целях. И наконец, в статье нет даже намек на то, что то, чем занимаются автор и его коллеги, – это политика. Для К. Роджерса это однозначно *не* политика, но психотерапевтическая по своей сути работа по созданию психологической атмосферы, психологического климата взаимного доверия, безопасности и свободы в выражении людьми как своих негативных, так и позитивных переживаний и чувств.

В данном смысле позиция позднего К. Роджерса (к 1986 году уже тринадцать лет осознанно занимавшегося «политикой» человекоцентрированного подхода) относительно соотношения человекоцентрированного подхода и политики фактически не изменилась с 1973 года, когда впервые этот вопрос поставил перед ним психолог А. Нельсон; тогда К. Роджерс искренне ответил, что в его подходе нет никакой политики (см., Kirschenbaum, 1995, p.72-73)⁶.

⁶ Политическая жизнь в США в 70-е годы XX века протекала под влиянием целого ряда политических движений: движения за гражданские права, движения за мир, студенческого движения, феминистского движения, лейтмотивом которых был лозунг «Власть - людям». Именно тогда, как отмечает биограф К.

Заключение: две перспективы для человекоцентрированного подхода

Клиентоцентрированная психотерапия, возникшая первоначально как обновленная (newer) психотерапия (Rogers, 1942), существовала первоначально как одна из психотерапевтических форм вне какого-либо взаимодействия с внетерапевтическими гуманитарными сферами и никоим образом не претендовала на какую бы то ни было экспансию в отношении этих сфер (см., рис. 1).

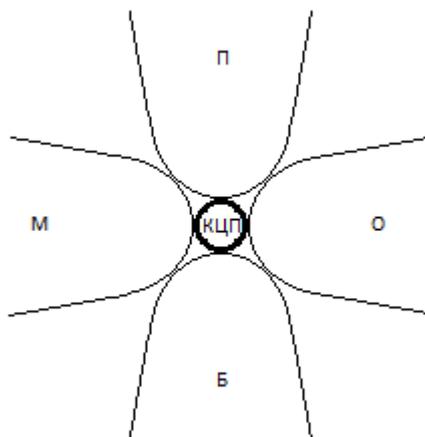

Рис. 1. Возникновение клиентоцентрированной психотерапии (где: КЦП – клиентоцентрированная психотерапия, П – политика, О – образование, Б – бизнес, М – медицина).

Вся история становления человекоцентрированного подхода, возникшего на основе клиентоцентрированной психотерапии, – это история экспансии психотерапии, история освоения психотерапией мира многообразных межличностных отношений, применения психотерапевтических принципов общения в самых разных сферах человеческой деятельности – в образовании, бизнесе, медицине, политике. Вся эта история доказывает, что психотерапевтическая работа, преисполненная человечности и осуществляющаяся на уровне человек-человек, обладает огромным потенциалом трансформации любых межличностных отношений (педагогических, деловых, медицинских, политических) в иные отношения, в отношения человеческие. В пределах экспансии человекоцентрированного подхода нет ни образования, ни бизнеса, ни медицины, ни политики, есть лишь отношения между людьми (см., рис. 2).

Роджерс Г. Киршенбаум: «Роджерс осознал, что работа всей его жизни представляла собой психологическое основание для всех этих движений, а эти движения являли собой политическое измерение его работы, о котором ранее он не отдавал себе отчета» (там же, р. 73; курсив наш – А.О.). Но и это осознание, как мы видим, очень далеко от отождествления человекоцентрированного подхода и политики.

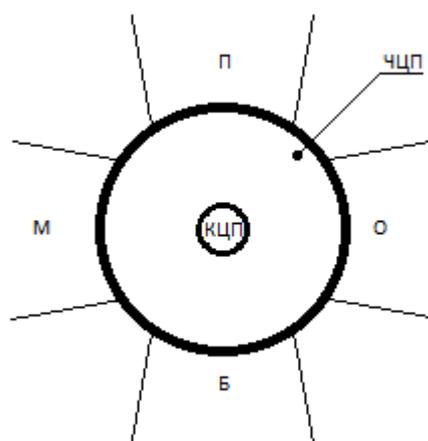

Рис. 2. Эволюция человекоцентрированного подхода на основе принципов клиентоцентрированной психотерапии (где: КЦП – клиентоцентрированная психотерапия, ЧЦП – человекоцентрированный подход, П – политика, О – образование, Б – бизнес, М – медицина).

Теперь нам предлагают ревизовать эту историю, фактически отказаться от нее и ее продолжения. Нам предлагают из психотерапевтов/фасилитаторов вновь стать политиками и, если следовать такой логике, - учителями, бизнесменами и врачами, увидеть вместо людей их профессиональные роли. В результате человекоцентрированный подход просто перестанет существовать (см., рис. 3).

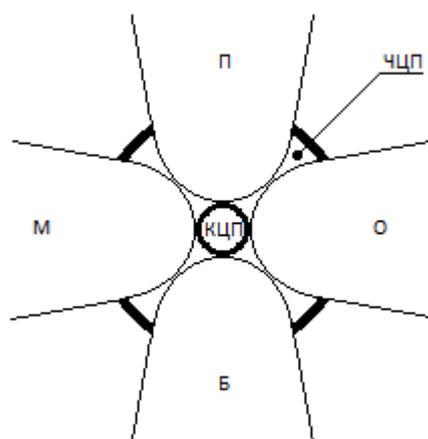

Рис. 3. Ревизия человекоцентрированного подхода (где: КЦП – клиентоцентрированная психотерапия, ЧЦП – человекоцентрированный подход, П – политика, О – образование, Б – бизнес, М – медицина).

Можем ли мы принять такую самоубийственную перспективу? Нет и еще раз нет.

Наша задача заключается не в том, чтобы сделать нашу психотерапию политикой, а психотерапевтов – политиками. Наша задача (какой бы утопичной она ни казалась) заключается в том, чтобы сделать политику (наряду с образованием, бизнесом и медициной) нашей психотерапией, а политиков (наряду с учителями, бизнесменами и врачами) – сначала нашими клиентами, а потом фасилитаторами человечности⁷.

⁷ Чтобы не быть голословными, приведем два примера такого соотношения психотерапии и политики, очеловечивания политики и политиков психотерапевтическими средствами клиентоцентрированной психотерапии и человекоцентрированного подхода: первый пример – личная биография и профессиональная карьера американского политика из штата Калифорния, Джона Васконцеллоса (John Vasconcellos) (см., Dreber, 1995); второй пример – работа К. Роджерса с политическими лидерами СССР во время его первого (малоизвестного и не получившего широкой огласки) визита в Советский Союз в самом начале правления М.С. Горбачева (см., Kirschenbaum, Henderson, 1989, p.435).

Литература

1. *Евангелие от Луки* // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. С. 1081-1126.
2. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии, 1995. № 2. С. 5-19.
3. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002-а.
4. Орлов А.Б. Триалогический подход в консультировании и психотерапии // Вопросы психологии, 2002-б, № 3. С. 3-19.
5. Орлов А.Б., Лэнгле А., Шумский В.Б. Экзистенциальный анализ и клиентоцентрированная психотерапия: сходство и различие // Вопросы психологии, 2007, № 6. С. 21-36.
6. Орлов А.Б. Роджерсизм: проблема имени // Консультативная психология и психотерапия, 2010, № 4. С. 171—174.
7. Орлов А.Б., Орлова Н.А. Индивидуальность vs. индивидуность: роковой вопрос современности // Мир психологии, 2011, № 1. С. 32—44
8. Роджерс К.Р. Клиентоцентрированный/человекоцентрированный подход к психотерапии // Вопросы психологии, 2001-а, № 2. С. 48-58.
9. Роджерс К.Р. Две расходящиеся тенденции // Экзистенциальная психология. Экзистенция / Под ред. Р.Мэя. М.: ЭКСМО. 2001-б, С. 68-74.
10. Роджерс К.Р. Камелот // Журнал практического психолога, 2012 (в печати).
11. Dreber, D. Toward a Person-Centered Politics: John Vasconcellos // In Suhd M.M. (Ed.) Positive Regard. Carl Rogers and Other Notables He Influenced. Palo Alto, California: Science and Behavior Books, 1995, 339-370.
12. Farson, R.E. Carl Rogers, quiet revolutionary. Education, 1974, 95(2), 197–203.
13. Kirschenbaum, H. Carl Rogers // In Suhd M.M. (Ed.) Positive Regard. Carl Rogers and Other Notables He Influenced. Palo Alto, California: Science and Behavior Books, 1995, 1-102.
14. Kirschenbaum H., Henderson V. (Eds.) The Carl Rogers Reader. Boston: Houghton Mifflin, 1989.
15. O'Hara, M. Streams. On Becoming a Postmodern Person // In Suhd M.M. (Ed.) Positive Regard. Carl Rogers and Other Notables He Influenced. Palo Alto, California: Science and Behavior Books, 1995, 105-155.
16. Orlov A.B. *Person-Centered Approach as a Variant of Essential Therapy* // XI Международный форум по человекоцентрированному подходу, Москва: Изд-во МГППУ, 2010.
17. Rogers C.R. A Newer Psychotherapy // Counseling and Psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin, 1942, 30-45.
18. Rogers C.R. *On Becoming a Person*. Boston: Houghton Mifflin, 1961.
19. Rogers, C.R. Carl Rogers on Personal Power: Inner Strength and its Revolutionary Impact. New York: Delacorte, 1977.
20. Rogers, C.R. *The Rust workshop* // *Journal of Humanistic Psychology*, 1986, vol.26, No 3, 23-45.